

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1903 ГОДА

© 2007 г.

В.Б. Романовская, С.Л. Rogov

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sergey12357@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.04.2007

Рассматриваются проблемы уголовно-правовой политики России начала XX века в сфере государственных преступлений; законодательное закрепление государственных преступлений, таких как государственная измена, мятеж, бунт и др., анализируются предпосылки развития института политических преступлений, основные мнения и взгляды выдающихся юристов в сфере уголовного права на составы государственных преступлений в рассматриваемый исторический период.

Уголовное уложение 1903 года является последним фундаментальным законодательным актом дореволюционной России в области уголовной политики. В содержании Уложения нашли свое отражение особенности последних десятилетий существования Российской империи.

Основным источником уголовного права на момент принятия Уголовного уложения являлось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Характерно, что последнее не являлось действительно цельным и единым законодательным актом, а было скорее сборником законодательных актов последних двух столетий. Это обстоятельство, несомненно, порождало полное несоответствие принципов между различными разделами Уложения, различия в самом взгляде на понятие преступления и на существенные условия наказуемости деяния. Кроме того, отмена в 1861 году крепостного права и связанное с этим изменение сословно-правового статуса крестьянства усилили недостатки Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и сделали объективно необходимым существенный пересмотр его положений.

Известный русский ученый в области уголовного права Н.С. Таганцев справедливо отмечал: «Из всех областей права наиболее изменчивым является право уголовное: на понятиях о преступлении и наказании с наглядностью отражаются все политические и социальные перевороты народной жизни, и чем быстрее развивается жизнь, тем быстрее совершаются эти реформы [1]».

Одной из главных задач составителей нового уложения являлась задача ухода казуистики Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и выработки определений преступных деяний по их существенным признакам. Это позволило

существенно сократить объем Уголовного уложения.

Отличительной чертой Уголовного уложения 1903 года являлось то, что в основу распределения уголовно-правового материала внутри Уложения были положены свойства и значение того правоохранительного интереса, на который посягал виновный.

Первая группа преступлений включала в себя преступления против государства, посягающие на основы его бытия, государственные законы, внешнюю безопасность, порядок управления. Ко второй группе относились преступления, посягающие на основы жизни общества, прежде всего на веру и церковь, посягательства на семью. Третья группа преступлений включала в себя преступления против частных лиц, посягающие на их личные и имущественные права.

Традиционно особое место в рассматриваемом источнике уголовного права отводилось государственным преступлениям.

Характерно, что в отличие от Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года Уголовное уложение 1903 года не содержало самого наименования «государственное преступление». Поэтому возникает вопрос: что же следует считать государственными преступлениями, а также какие нормы Уголовного уложения им посвящены.

Редакционная комиссия по составлению Уголовного уложения исходила из того, что имеются три группы государственных преступлений: посягательства на внутренние основы государства, а именно на саму государственную организацию, на целостность государственной территории и на носителей государственной власти; посягательства на внешнюю безопасность государства; посягательства на иностранное государство.

Н.С. Таганцев определял политические (государственные) преступления, как «преступные деяния, направленные на самое бытие государства, на его самостоятельное существование, так как самостоятельное бытие государства может быть рассматриваемо или само по себе, или по отношению к другим государствам, поэтому к области число политических преступлений должны быть относимы: посягательство на внешнее бытие государства – измена и посягательства на внутренний государственный строй – мятеж или бунт [1]».

Поэтому политические преступления, исходя из самого понятия государства, как организации, охватывают собой: попытки уничтожить целостность государственной территории как основы государства, попытки отделить часть территории от целого, посягательства, направленные на свержение образа правления данной страны, а также посягательства на особу монарха, в которой персонифицируется самодержавная власть страны.

Глава 3 Уголовного уложения «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома» определяет ответственность за деяния, объектом посягательства которых являются жизнь, здоровье, неприкосновенность императора, его положение как главы государства, а также членов императорской семьи.

Такое посягательство всегда представляет собой сложный состав преступления, поскольку в нем заключается не только посягательство на державную власть страны, но и посягательство на физическое лицо, в котором эта власть персонифицируется.

Виновные в подобных посягательствах наказывались смертной казнью (ст. 99 Уголовного уложения). Характерно, что посягательством Уложение признавало как непосредственное совершение данного преступления, так и покушение на него. Соответственно, за покушение следовало аналогичное наказание.

Статья 100 формулирует состав такого преступления, как насильственное посягательство на изменение в России или в отдельной ее части образа (формы) правления, порядка наследия престола либо на отторжение от России части ее территорий (бунт против верховной власти). Это, безусловно, качественно новый состав государственного преступления. Основное отличие его состоит в отходе законодателя от казуистичности

определения признаков объективной стороны преступления.

Между тем изменение образа правления не может не сопровождаться лишением царствующего императора престола и верховной власти или ограничением его прав. Поскольку пока существовало в России самодержавие, нельзя было представить себе такого изменения образа (формы) правления, которое не имело бы своим последствием ограничение верховной власти императора. Поэтому возникает справедливый вопрос о разграничении составов государственных преступлений, предусмотренных статьями 99 и 100 Уголовного уложения соответственно.

Дело в том, что необходимым условием подпадания преступного деяния под признаки преступления, предусмотренного статьей 99 Уголовного уложения, законодатель считал непосредственное посягательство на неприкосновенность особы императора. Это, очевидно, и есть тот признак, при отсутствии которого посягательство на изменение образа (формы) правления в смысле лишения (ограничения) императора верховной власти карается по статье 100 Уголовного уложения.

Статья 102 Уголовного уложения устанавливает ответственность участников преступных сообществ, созданных с целью совершения преступлений, предусмотренных вышеуказанными статьями 99 и 100 Уложения. Следует отметить, что в период принятия Уголовного уложения борьбе со всякого рода тайными обществами и сообществами уделялось значительное внимание правительства. Виновные в участии в таких сообществах наказывались каторгой (срочной каторгой – если сообщество было организовано для совершения преступления, предусмотренного статьей 100 Уложения, и каторгой без срока – если сообщество было организовано для совершения преступления, предусмотренного статьей 99 Уложения).

Особый интерес представляет отношение составителей Уголовного уложения к установлению ответственности за голый умысел на совершение государственного преступления. Авторы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, к примеру, приравнивали по наказуемости обнаружение умысла к окончанию преступного деяния, карая и то и другое смертной казнью. Уголовное уложение же, отказавшись от преследования голого умысла на совершение государственных преступлений, стремится противодействовать им применением наказания уже в таких стадиях их совершения, которые непосредственно

соприкасаются с простым обнаружением умысла, почти совпадая с ним. Опасаясь всякого рода революционных и противоправительственных выступлений, авторы Уголовного уложения включили в него несколько статей, которые должны пресекать деятельность внутреннего врага еще в тот момент, когда она находится на самой границе между обнаружением умысла и приготовлением средств к совершению государственного преступления. В частности, часть 4 статьи 102 Уголовного уложения жестоко наказывает неудавшийся подговор создать общество для совершения тяжкого государственного преступления или принять участие в таком обществе.

Ответственность за оскорбление царствующего императора, императрицы, наследника престола, угроза их особе, надругательство над их изображением с целью возбуждения неуважения к их особе, а также распространение оскорбительных для их достоинства сочинений и изображений предусмотрена статьей 103 Уголовного уложения. Наказание – каторга на срок до восьми лет. Смягчающими обстоятельствами совершения этого преступления являлись: неразумие, невежество или состояние опьянения (наказание – арест). Покушение на совершение этого преступления наказывалось менее строго – заключением в крепости на срок до трех лет (статья 104).

Виновные в посягательствах на жизнь членов императорского дома наказывались смертной казнью, а виновные в иных насильственных посягательствах на данных особ – срочной каторгой (статья 105). Статья 106 Уложения устанавливает наказания за различного рода оскорбления членов императорского дома. Виды наказаний за данные преступления аналогичны видам наказаний, предусмотренным статьей 103 Уложения. Вместе с тем размеры наказаний значительно уменьшены. Каре уголовного закона подлежит также оскорбление памяти усопших ближайших предков и предшественника царствующего императора (статья 107).

Другим чрезвычайно важным государственным преступлением является государственная измена (статьи 108–119 Уголовного уложения), которая выражается в «способствовании или благоприятствовании неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях» [2]. Виды государственной измены разнообразны. Сюда относятся: вступление русского подданного в

неприятельское войско, оглашение военных тайн, заключение уполномоченным России договора заведомо во вред России, предание врагу армии и флота, шпионство, убийство начальствующего армией или отрядом, истребление средств нападения или защиты от неприятеля, средств сообщения или предметов довольствия. Наиболее важные виды государственной измены карались смертной казнью.

Составы указанных преступлений определены в главе 4 Уголовного уложения, которая называется: «О государственной измене».

Статья 108 Уголовного уложения включает в себя общее понятие государственной измены – способствование или благоприятствование неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях (наказываются срочной каторгой), а также определяет квалифицирующие признаки данного преступления. В случаях, если государственная измена оказала существенное содействие неприятелю либо с изменнической целью совершено убийство, виновный наказывался бессрочной каторгой.

Данная норма также содержит ряд квалифицирующих признаков государственной измены, при наличии которых виновный наказывался смертной казнью: предание или покушение на предание неприятелю армии или флота, склонение или подговор отряда войска к переходу на сторону неприятеля, насильственное сопротивление российским военным силам или нападение на них, убийство начальствующего армией, штабом, отрядом войска либо лица, заведомо исполняющего важные военные поручения, а также предание данных лиц неприятелю, истребление военных складов, приведение в негодность путей сообщения и средств связи, шпионство. Характерно, что тому же самому наказанию по статье 108 Уголовного уложения подлежало лицо, совершившее государственную измену в отношении союзного с Россией по оружию иностранного государства.

Другие статьи главы 4 Уголовного уложения более подробно регламентируют институт государственной измены (статьи 109–119 Уголовного уложения). К таким преступлениям относятся: вступление русского подданного в неприятельское войско, побуждение российским подданным иностранного правительства к военным действиям против России, передача иностранному государству тайных сведений (документов, планов, рисунков), угрожающих

внешней безопасности России, заключение уполномоченным России договора с иностранным государством заведомо во вред России. Основное наказание за совершение этих преступлений – срочная каторга или каторга без срока.

Кроме того, Уголовное уложение относит к государственной измене и такие деяния, как заготовление по поручению правительства (по договору) заведомо негодных для использования средств нападения или защиты от неприятеля, поставка предметов довольствия, заведомо вредных для здоровья или негодных к употреблению.

К преступлениям государственным очень близко примыкают преступления против порядка управления. Отличие последних от государственных состоит в том, что эти деяния не направлены прямо на разрушение основ государственной жизни, они способны лишь колебать спокойное существование государства. Рассмотрим сначала те преступления этого рода, которые носят характер противодействия исполнительной власти государства, и в первую очередь преступные деяния, которые Уголовное уложение 1903 года объединяет в названии «смута». Данным преступлениям посвящена глава 5 Уголовного уложения – «О смуте».

К смуте прежде всего относится участие в преступных скопищах и сообществах (статья 120 Уголовного уложения). Преступные скопища – это такие однократные соединения людей, которые самым своим существованием, своими действиями или причиняемым ими вредом или беспорядками угрожают государственной или общественной безопасности. Уголовный закон карает (арестом и тюрьмой) участников скопища, не имевшего преступной цели и не учинившего никакого преступления, только в том случае, если участники этого скопища не разошлись по требованию власти. Вместе с тем по статье 121 Уголовного уложения указанный объективный признак не действует в случае заведомости для участников скопища преступной цели, с которой данное скопище собиралось. Несомненно, данное обстоятельство весьма трудно установить на практике в каждом конкретном случае.

Более строгие кары угрожали лицам, составившим преступное скопище с определенной преступной целью (например, с целью выразить порицание верховной власти), а также скопище, учинившее соединенными силами участников противозаконные действия

(например, насилие, разрушение имущества), и в особенности скопище, оказавшее прямое противодействие правительству, захватившее власть, употребившее в целях насилия взрывчатые вещества (статьи 121, 123 Уголовного уложения).

Поскольку участие в скопище само по себе не составляло преступления, в сущности, участники скопища карались не за что иное, как за противозаконное намерение, хотя бы это намерение и не осуществилось и даже не было сделано попытки к его осуществлению

Сообщества, в отличие от скопищ, являются длящимися соединениями нескольких лиц, объединенных общей целью и интересами. Большинство современных государств допускало существование самых разнообразных сообществ, не преследуя и те из них, целью которых является разрушение существующего государственного и общественного строя, если только сообщества эти не имеют своей целью непосредственного, в ближайшем, а не отдаленном будущем, и притом насильственного посягательства на государство. Российский уголовный закон смотрел на это иначе, строго преследуя сообщества такого рода.

Сообщество, само по себе не преступное, может быть, по тем или иным соображениям, запрещено правительством; за участие в таком сообществе полагается наказание от ареста до крепости не свыше года (статья 124 Уголовного уложения). Но может быть преступной самая цель сообщества. Если такой целью является возбуждение кого-либо к неповиновению власти, вражде между частями населения (например, между Россией и Финляндией), народностями (например, между русскими и поляками), классами (например, между хозяевами и рабочими), к стачке, то закон угрожает заключением в крепости или исправительном доме (статья 125).

Участие же в сообществе, цель которого — ниспровержение существующего в государстве общественного строя или совершение тяжкого преступления с помощью взрывчатых веществ, карается ссылкой на поселение и даже каторгой (статья 126). Кассационный департамент Правительствующего сената признаками применения к сообществу ст. 126 Уголовного уложения считал следующие: во-первых, создание сообщества, во-вторых, преступная цель социального или политического характера и, в-третьих, внешнее проявление деятельности, соответствующей указанной цели.

В связи с указанным встает вопрос о разграничении признаков преступлений,

предусмотренных статьями 102 и 126 Уголовного уложения. По мнению большинства юристов того времени, статья 102 Уголовного уложения предусматривает участие в таких политических сообществах, которые имеют целью непосредственное насильственное ниспровержение существующего политического строя в ближайшем, хотя точно и не определенном будущем, либо совершение других, предусмотренных статьей 100 Уголовного уложения, мятежных деяний. Политические же общества, хотя и имеющие конечной целью ниспровержение существующего политического строя, но в не определенном будущем, а в настоящее время вся деятельность которых направлена на подготовку условий (а не на приготовление к насильственному ниспровержению существующего политического строя, что предусмотрено в статье 101 Уголовного уложения), которые должны, по мнению членов такого сообщества, обеспечить успех достижения ими конечной цели, расшатать устой существующей государственной власти, т.е. такие политические сообщества,

пытались выполнять те преступления, к совершению которых их побуждают. Это побуждение, отличаясь, таким образом, от подстрекательства, носит общее имя преступной пропаганды (статья 129 Уложения). Пропаганда может происходить публично в виде произнесения речи, чтения сочинения, распространения и выставления сочинения или изображения, а также непублично (статьи 130 и 131 Уголовного уложения). В последнем случае закон имеет в виду пропаганду преступных учений и суждений среди лиц, особенно способных поддаваться возбуждению, например сельского населения, рабочих, воинских чинов. Простое чтение вредного сочинения и одно высказывание недовольства существующим государственным и общественным устройством без цели возбуждения не составляет наказуемой пропаганды.

Позиция кассационного департамента Правительствующего сената по вопросу применения статьи 129 Уголовного уложения состояла в следующем. Для наличия состава преступления, предусмотренного статьей 129

POLITICAL CRIMES UNDER CRIMINAL CODE OF 1903

V.B. Romanovskaya, S.L. Rogov

Some problems of criminal and legal policy of Russia in the early 20th century in the sphere of state political crimes are investigated, including legislative consolidation of state crimes, such as treason, revolt, mutiny, etc. The development of the institute of political crimes is analyzed, along with the main views and opinions of eminent lawyers in the sphere of criminal law on state crimes during the historical period under consideration.

непосредственной целью деятельности которых является лишь стремление посеять в государстве смуту и которые на само бытие государства посягают лишь посредственно, предусмотрены статьей 126 Уголовного уложения.

Уголовное уложение карает ссылкой на поселение оказание дерзостного неуважения к верховной власти, порицание существующего образа правления и порядка престолонаследия, выраженное публично (в речи, сочинении и т.п.) – статья 128.

Особое внимание Уголовное уложение уделяет деяниям, носящим характер возбуждения массы (множества) или отдельных лиц к совершению государственных преступлений, к неповиновению закону и законным распоряжениям власти и т. п., даже в тех случаях, когда эти лица не выполнили и не

Уголовного уложения, необходимы сознание и воля лица совершить вышеуказанные действия безотносительно к цели деятельности, и даже опубликование виновным совместно с вредным сочинением критической статьи, направленной против этого сочинения, не устраняет оснований для применения статьи 129 Уголовного уложения, так как устранение вреда является обстоятельством, лежащим за пределами состава деяния, предусмотренного статьей 129 Уголовного уложения.

Статья 132 Уголовного уложения устанавливает ответственность для составителей вышеуказанных вредных сочинений с целью их распространения, если их публичное распространение не последовало (наказание – заключение в крепости на срок до 3 лет).

Таким образом, подводя итог исследованию Уголовного уложения 1903 года, как крупнейшего законодательного акта дореволюционной России в области уголовного права, следует отметить, что в целом произошел уход от казуистики ранее действовавших законодательных актов и состоялась выработка определений преступных деяний по их существенным признакам.

В сфере законодательного закрепления составов государственных преступлений все так же прослеживается четкая направленность правительства на укрепление правовых основ самодержавия. Ибо изменения в социально-экономическом строе общества настоятельно требовали упорядочения уголовного законодательства, что ощущалось прежде всего активно развивающейся буржуазией. Необходимость составления и утверждения Уголовного уложения была связана и с реформами государственного аппарата, развитием системы полиции и политического сыска. Обостряющиеся классовые противоречия также приводили к необходимости развития и укрепления уголовно-правовых методов борьбы с ними.

В силу изложенного, Уголовное уложение 1903 года, несомненно, явилось своевременным правовым актом, заменившим устаревшие во всех смыслах нормы и положения Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Несмотря на это, в правоприменительной практике еще возникало достаточное количество спорных ситуаций, связанных в первую очередь с толкованием уголовного закона.

Список литературы и примечания

1. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право / Н.С. Таганцев. Часть общая, том 1. – М., Наука, 1994.
2. Российское законодательство X–XX веков в девяти томах / Под общей редакцией О.И. Чистякова. Том IX.